

Лидия Чарская

Дикарь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Ч-22 Чарская Л.
Дикарь / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 100 с.

ISBN 978-5-4241-2914-8

Талант Л. А. Чарской, как писательницы для юношества, симпатии, которыми она пользуется у юных читателей и читательниц нескольких уже поколений детей, неизменный успех её прежних произведений: «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Газават», «Сестра Марина» и многие другие, делают излишним подчеркивать, что эта новая своеобразная повесть читается с захватывающим интересом с первой и до последней страницы.. Но особенно увлекательна вторая часть, в которую искусно вплетены события наших дней, события, которые, так сказать произошли на наших почти глазах.

ISBN 978-5-4241-2914-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская

Дикарь

Повесть для юношества

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Лесная встреча

Весна была в разгаре. Казалось, Великий Хозяин раскинул над пробужденной после суровой зимы землею бирюзовый полог, весь затканный золотыми блестками солнца и белыми пушистыми гроздями облаков. Милым весенним звоном звенел пушистый, принаряженный старик-лес. Чист и ароматен был майский воздух. И синее огромное, как море, с едва уловимыми на горизонте берегами, озеро казалось вторым небом, только опрокинутым, разостланным по земле, только более темным, более хмурым и строгим. В лесу пахло свежею смолою, неуловимо пряным запахом обновленной земли и несло откуда-то тонкою душистою струею первых ландышей. Нудно и однозвучно кричала кукушка. Пела малиновка на ивой ветке. Стучал кловом настойчивый дятел. И вот неожиданно все эти шумы и шорохи, песни и звуны смело и громко покрыл резкий, пронзительный свист.

Рыжая белка в испуге метнулась с ветки старой сосны, уронив с дерева сухую прошлогоднюю шишку, и исчезла в зелени свежей изумрудной хвои. А свист все не прекращался. Зашуршали кусты вербы, и, с трудом пробираясь сквозь чащу, на узенькую тропинку вылезла небольшая человеческая Фигура. То был мальчик-подросток, лет четырнадцати, в старом, во многих местах порванном, во многих местах заплатанном матросском костюме. Смуглый, загорелый, обветренный со светло-серыми прямо смотрящими глазами, он был худ, строен и достаточно высок для своего возраста. Целая копна темно-русых волос, упрямо завивающихся крупными кольцами, беспорядочно выбивалась у него из-под матросской фуражки. Серые глаза его внимательно оглядывали местность, пока он не переставал свистать при помощи не совсем чистых пальцев, приложенных ко рту. Еще упала одна шишка из-под лапок насмерть перепуганной белки, и даже кукушка приостановила свою однообразную музыку, а мальчик все еще продолжал свистеть.

— Го-го-го-го! — вдруг неожиданно пронеслось по лесу.

Тут черные брови мальчика высоко приподнялись и губы раздвинулись в улыбку. Эта милая, простодушная улыбка сразу смягчила суровое, смуглое лицо мальчика, казавшегося диким, и нелюдимым, и оно неожиданно сразу похорошело, просветлело.

Он поднял голову и устремил глаза в сторону, куда убегала по направлению к небольшому фабричному городку тропинка.

— Как ныне собирается веций Олег, отмстить неразумным хазарам... — запел он.

— Их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам... — послышалось где-то неподалеку, и почти одновременно со звуками подхваченной песни из самой гущи кустов выскоцило еще двое: рыжий, веснушчатый мальчик с бойкими, бегающими, как у пойманного дикого зверька, глазами, одного возраста с подростком в матроске, и девочка смуглая, как цыганка, с тоненькой кощиец, странно торчавшей за ушами, на год или на два моложе своего спутника.

Оба подростка были одеты в нищенские лохмотья, и по их изнуренным лицам было видно, что оба они прошли тяжелую и мучительную школу нужды.

— Здорово, Дима! — крикнул рыжий мальчуган и протянул приятелю грязную, черную руку.

Сероглазый подросток без тени презрительности принял и пожал ее. Потом, кивнув головой девочке, сказал:

— Как вы долго нынче... Я тут весь изсвистался, пока пришли.

— Нельзя было, — проговорила деловитым тоном последняя, — дядька долго не уходил и нас не отпускал.

— Ну, ладно, чего там! Нечего рассусоливать, — оборвал ее рыжий. И, живо обернувшись к тому, кого называл Димой, лаконически бросил:

— А ты принес?

— Принес.

— Все принес?

— Все.

— А папирос?

— Нет, Сергей, папирос я тебе не принес. Нет их у меня. И денег нет, чтобы купить, — серьезно ответил Дима.

— Вот те на! Зачем покупать? Ведь отчим-то небось курит?

— Курит... Ну, так что?

— Так неужто же ты у него не сумел пару папирос взять?

— Что-о-о?..

Дима выпрямился, поднял голову. Взор его загорелся.

— Раз и навсегда запомни, Сергей: взять без ведома, это значит — украдь, а я, Вадим Стоградский, на то не пойду. Понял?

Оборванец что-то буркнул себе под нос. Диме послышалось весьма обидное словцо.

— Что такое? Что ты сказал? Повтори — тяжело переводя дух и глядя на рыжего в упор, глухо отчеканил он, и сжал руки в кулаки.

Тогда смуглая девочка в лохмотьях и с босыми ногами в ссадинах и царапинах, неожиданно выступила вперед и схватила рыжего за рукав.

— Да будет вам браниться... Ей Богу, какие! лучше есть примемся. Со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было. И дядька ругался... Да и как еще! Боже ты мой! Прибить грозился за то, что который день ничего не настреляли.¹ А где стрелять-то? А на работу берут тех, которые постарше. На нас и глядеть не хотят. Страсть как проголодалась. Дядька грозится и вовсе не кормить, покуда полтинника в день приносить не станем, а где уж тут — полтинник в день!

— Ну, заскулила! Слушать тошно. Молчи! — огрызнулся на свою спутницу рыжий.

— Не смей обижать Машу, слышишь? А не то ничего не получишь от меня, — неожиданно повысил голос Дима.

Сережка прикусил язык. Он знал, что Дима не любитель тратить слов по пустому, и волей-неволей смирился. Между тем, Дима не спеша пошел в кусты и через минуту вернулся оттуда с большим свертком в руках.

— Вот все, что мог принести, принес! — коротко сказал он, бросая узелок в ловко подставленные руки рыжего.

Тот проворно развязал узел. В нем лежала старая, заплатанная матроска,

П. Чеснокова.

Девочка схватила рыжага за рукавъ...

Къ повѣсти Л. А. Чарской «Дикия».

Ориг. рис. П. Чеснокова.

старые же сапоги, большой кусок хлеба и несколько ломтей жареного мяса. Последней мальчик достал изящную батистовую блузку.

— Это от сестры. Она мне раньше еще подарила. Это тебе, Маша, — мягко произнес Вадим, обдавая смуглую девочку ласковым взглядом.

— Мне? — почти захлебнувшись, прошептала та.

— Ну да, тебе. Какая смешная! Не бойся, не краденая… И мясо, и хлеб тоже не краденые. Это моя порция от обеда. Я не ем за столом. Говорю, нет аппетита. Прошу отложить мне на вечер и вот, ношу сюда.

— А сам голодный сидишь? — широко раскрыла глаза девочка.

— О, нет… Ведь у нас не одно мясо дают к обеду; и рыбу, и суп, и сладкое… Сыт бываю до отвала.

— Ишь ты — и рыба, и сладкое! — упиваясь за обе щеки хлеб с мясом, протянул Сережка. А нам иной раз и хлебушка не перепадет.

Маша в это время любовно перебирала дрожащими пальцами складки и кружево блузки. Вероятно, ей и во сне не снилось надеть когда-либо на свои плечи подобную, на её взгляд, роскошь.

Сережка, в свою очередь, не спускал глаз со старой матроски и сапог.

— Совсем почти что крепкие. Ишь ты, как важно! — радовался он, напялив спустя несколько минут матроску и сапоги, и отправился любоваться на себя в ручей, который должен был послужить ему зеркалом.

Когда Маша и Вадим остались одни, мальчик схватил смуглую, худую ручонку своей приятельницы и зашептал ей с такою тоскою, с таким безысходным выражением горя на лице, что девочка, слушая его, вся замерла от жалости.

— А ей опять хуже, Маша… Опять хуже… Вчера послали телеграмму в город к известному профессору. И еще к двум другим докторам. Их приглашают на консилиум… Ты не знаешь, что такое консилиум, конечно… Это совещание врачей. Они обсуждают состояние больного… Ах, я не знаю, что делать, Маша… Так мне тяжело… Она теперь так редко приходит в себя… И все бредит и бредит… И какая она стала маленькая и худенькая, если бы ты знала! Меньше тебя… А ведь ей уже шестнадцать, она на три года тебя старше, Маша… И какая кроткая, милая, прекрасная… Как мне хочется ее порадовать, но чем, чем? Ума не приложу… Положительно не знаю. Все у нее есть: даже драгоценности. Ее любят наш отчим и дарит ей к именинам и рождению разные хорошенъкие вещицы. Вот разве ей цветов принести, как ты думаешь, Маша?

Но Маша не успела ничего ответить. Снова появился Сережка, очень довольный своим новым видом.

— Куртка знатная, и штиблеты тоже. И теперича я как бы барин. Только бы дядька не отнял в недобрый час.

— Ну, прощай, Вадим Григорьевич, счастливо тебе оставаться, — тряс он минутою позже грязной загорелой рукой руку Вадима, — до завтра. А что, может, и завтра нам от обеда мясца да хлебца?..

— Будь покойен, — произнес сурово Вадим и только при прощании с Марией его суровые стальные глаза приняли снова мягкое выражение, так необычно красившее это угрюмое юное лицо.

ГЛАВА II

Всеволодские и Стоградские

Давно уже затихли звуки шагов удалявшихся Сережки и Маши. Давно уже пестрые лохмотья смуглой девочки перестали мелькать между деревьями, а Дима Стоградский все еще стоял на месте и смотрел им вслед.

Около года назад он с матерью, её мужем, старшей сестрой и двумя братьями переехал в небольшое имение отчима, расположенное на берегу одного из крупнейших русских озер, в шестидесяти верстах от столицы и недалеко от небольшого уездного городка.

Из города сюда долетали фабричные гудки и звон церковных колоколов, а с озера и каналов — пароходные свистки да рев сирены, заглушавший временами меланхолический рокот редко тихих, часто совсем по-морскому бурливых волн.

Имение Петра Николаевича Всеволодского, отчима Димы, находясь в трех верстах от города, примыкало к лесу, наполовину сосновому, наполовину лиственному, раз и навсегда пленившему воображение мальчика.

Он рос с детства каким-то особенным ребенком. Молчаливый, упорно таящий в себе свои горести и печали, Дима Стоградский умел чувствовать и переживать события жизни не по-детски серьезно и глубоко. Угрюмый по виду, суровый, неласковый, мальчик отталкивал от себя окружающих своею кажущеюся холодностью и черствостью. Он никогда ни к кому не ласкался, ничего не просил, не высказывал никаких желаний. Смотрел всегда исподлобья, волчонком. И только в летнее время, когда семья Стоградских переезжала из имения на дачу и Дима мог исчезать на долгие часы из дома, с утра до позднего вечера находиться на лоне природы, которую любил каким-то исключительным восторженным чувством, он весь преображался. В ранние часы мог он подолгу любоваться дикими полевыми цветами, глядеть в небо, на плывущие по нему облака, а нежными летними вечерами — молча упиваться тихим мерцанием звезд и соловьиными трелями. Он любил до безумия грозы и бури и часто носился под проливным дождем навстречу порывам ветра по лесу, наблюдая восхищенными глазами бег золотых молний в небе и ловя напряженным слухом громовые раскаты.

— Димка наш настоящим моряком будет, — часто говорил жене капитан Стоградский, глядя, как ловко Дима, тогда еще девятилетний ребенок, несмотря на волнение в заливе, справляется с лодочкой или яликом в бухте, близ которой они снимали дачу на летнее время.

Заветною мечтою капитана было определить всех своих трех сыновей на морскую службу, которой он отдал себя, как его отец, дед и прадед. И, умирая, четыре года тому назад, на смертном ложе он повторил на ухо жене это свое желание.

Юлия Алексеевна твердо решила исполнить волю покойного, и все трое мальчиков готовились теперь к поступлению в морской корпус.

Два года тому назад Стоградская вышла вторично замуж за своего дальнего родственника, Петра Николаевича Всеволодского.

Это был довольно богатый человек, посвятивший себя ведению хозяйства в своем имении «Озерное».

Юлия Алексеевна, выйдя за него замуж, поселилась там же.

В соседнем с усадьбой уездном городке, славившемся своим историческим прошлым, а также целою ордою нищих, бродяг, занимающихся выгрузкою и нагрузкою на пристанях товаров, или, попросту, собиранием милостыни, — имелся и частный пансион для мальчиков, где их готовили в морской корпус.

С прошлой осени, когда Всеволодские и Стоградские приехали в «Озерное», Вадим буквально ахнул от восторга. Ему, больше чем всем остальным, пришлись по вкусу и огромное, безбрежное на вид, похожее на море, озеро, с маяками и гигантскими судами, и таинственно-темный лес по соседству и, наконец, не менее таинственно-темные люди, которые попадались тут на каждом шагу.

Как-то, гуляя в лесу, он встретил Сережку и Машу. Они [были] голодны. При нем же случайно находились тартинки, которыми он и поделился с детьми. Тут-то и началось их знакомство. С тех пор почти ежедневно виделись они или здесь же, в лесу, или в городе, куда, пользуясь своей широкой свободой, частенько заглядывал Вадим. Он постоянно приносил им что-нибудь из дома и все свои карманные деньги тратил на них. В тайну знакомства с маленькими боярками он посвятил только старшую сестру Инну, или Ни, как ее звали домашние. И Ни помогала им, как могла, дарила при посредстве брата свои блузки и башмаки Маше.

Но вот Ни заболела. Она только этой весной приехала в «Озерное». В шестнадцать лет окончив гимназию, девушка навсегда водворилась под гостеприимной кровлей отчима, который заботился о ней и ее братьях, как о родных детях. Но тут, в новом, непривычном для нее климате, с постоянными северными ветрами, дувшими с озера, Ни, и без того хрупкая здоровьем, схватила сильнейшую простуду, перешедшую скоро в жестокий плеврит, и теперь находилась на волосок от смерти.

Это несчастье с сестрою страшно мучило Диму. Он нежно и глубоко любил Ни, которая всегда защищала его перед старшими в трудные минуты. Но он не умел да и не хотел обнаруживать этой любви перед окружающими. И Ни так и не знала до сих пор всей силы чувства, питаемого к ней братом.

ГЛАВА III

Ландыши. Страшный поединок

Вадим стоял на лесной тропинке и думал, чем бы порадовать Ни, бедную, больную Ни, которая лежит в жару и бреду уже вторую неделю.

Если бы он знал, где находится медвежья берлога, то, не задумываясь, отправился бы туда, вооруженный одной лишь дубинкой и, убив старую медведицу, принес бы маленького медвежонка Ни, в сущности еще ребенку, несмотря на ее шестнадцать лет и свидетельство об окончании семи классов гимназии. Или поймал бы соловья... Или...

Но тут мысли Димы оборвались. Чуть заметный ветерок подул из чащи леса и принес с собою душистую, медянную струю ландышного аромата.

«Ландыши! — радостно мелькнуло у него в голове. — Ландыши...» Конечно, ничто сильнее не обрадовало бы Ни... Только надо их не сорвать, а выкопать с корнями и пересадить в корзину... Пусть цветут в ее комнате. Ну, да, это будет великолепно! Лучшего и желать нельзя.

И, нашупав большой, складной перочинный ножик в кармане, Дима стрелою помчался в чащу, откуда белые цветы настойчиво и нежно посыпали ему свой душистый привет. Вот они...

С каким-то невольным благовением опускается на колени Дима и, осторожно обведя ножом землю вокруг небольшой группы белых ландышей, извлекает их с корнями из рыхлой почвы. Затем он переходит к остальным. Он работает

так около десяти минут, пока пред ним не образовывается целая груда нежных, белых цветов, взятых вместе с корнями. Еще один кустик, и он сможет уйти домой, где мучается бедная Ни.

Внезапно тонкий слух мальчика ловит чуть слышное шуршанье в траве. Серые глаза Димы внимательно оглядывают окружающий низкорослый кустарник. Вдруг он весь вздрагивает. Прямо ему в глаза уставилась пара маленьких, нестерпимо блестящих, изумрудных глазок. И не то свист, не то шипенье вылетает из крохотной, гладкой, как бы сплющенной головки. В ту же секунду маленькая, сплющенная головка вытягивается и встает вертикально над серым, с крапинками, тонким телом.

«Гадюка!» — мелькнуло в голове у Димы.

Шипенье, раздавшееся вполне отчетливо и громко, подтверждает его слова. Серовато-черное кольцо свивается и развертывается снова и вдруг неожиданно-быстрым движением делает прыжок вперед.

Вся кровь отливает от лица Вадима. Он выпрямляется, как будто сразу делается твердым, как железо. Сейчас напряжены все его мускулы... Смуглая рука протягивается вперед, и, прежде чем гадюка успевает укусить его, Вадим с молниеносной быстротой схватывает крепко рукою гладкую, скользкую, холодную шею пресмыкающегося. Его пальцы, крепкие как клещи, изо всей силы сжимают змеиное горло.

Враг, по-видимому, не ожидал такого быстрого, такого стремительного и ловкого нападения. Как-то сразу померкли горящие, изумрудные, змеиные глазки, и вся она беспомощно поникла, постепенно вытягиваясь вздрагивающим телом в сильных руках мальчика. Все тяжелее и тяжелее становилось оно теперь... И вот горящие изумруды совсем померкли... Шипение давно уже не вырывалось из стиснутого горла змеи. Последний свист — и все смолкло.

Дима разжал пальцы, и пресмыкающееся тяжело упало к его ногам.

ГЛАВА IV

Бова-королевич и Сандрильона

— Дима! Димушка!

Дима быстро оборачивается на тихий оклик, раздавшийся так неожиданно за его спиной.

— Ты, Маша? Что случилось? Почему ты вернулась сюда?

Смуглое как у цыганки лицо все залито слезами, и черные глаза сквозь слезы блестят огоньком восторга.

— Я все видела... Я в кустах стояла. Видела, как ты схватил ее... И не струсили... И не убежали... Только весь белый стал, ровно бумага... Вот-то теперь, чай, хвастаться станешь... Еще бы! Один на один гадюку убил... Небось, какой почет тебе ото всех будет. Пойду, всем нашим скажу... Небось, не каждый так сможет... Побоялись бы. Сережка первый бы лататы задал... А ты вон какой храбрый, ты... Бова-королевич ты, вот ты кто!

Дима только плечами пожал да усмехнулся в ответ на этот восторженный лепет. Он сам недавно рассказал Маше, большой любительнице сказок, про Бову-королевича и теперь невольно улыбнулся тому, что она приравняла его, Диму Столградского, к легендарному герою.

— А почему ты вернулась? Зачем опять пришла сюда? — после минутного